

Г. ЧУЛКОВ

Анна Ахматова. Anno Domini MCMXXI

Умная Ахматова не случайно выбрала для своей последней книжки эпиграф — *Nee sine te, nec tecum vivere possum*. По-видимому, то, что для нее еще не с последней отчетливостью явилось в лирическом видении недавнего прошлого, стало, наконец, очевидным в эти дни новых испытаний.

Ни «с ним», ни «без него» не жить ей на земле примиренно и благополучно. Отныне стало ясно, что это не жизнь, а сон, как сон семени в лоне матери-земли. В какой-то срок и оно воскреснет, а пока душа умирает, замирает во сне, — разве это жизнь? Нет, это лишь предчувствие жизни... «Четки» и «Белая стая» — ознаменование романтической эпохи в лирической истории ее души. В новой книге те же самые видения приобретают иной смысл. Там еще была какая-то тайная надежда на счастливую встречу; здесь уже нет этой надежды. И в самом романтизме явилась новая интонация. Это зреет душа. Прорастает зерно, соединяясь с матерью-землею — и в этом уже залог воскресения «восхищения» — к солнцу. Романтический «он» предстал в новом свете. «Он» уже требователен и гневен. Но лирическая душа жаждет свободы прежде всего.

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж палач, а дом его тюрьма.

В романтизме Ахматовой как будто раскрылся новый путь, менее зыбкий, и ее лирика стала устойчивее, решительнее и мужественнее. В поэзии Ахматовой есть и своеобразный классицизм. Психологические основания этого классицизма за пределами любовной лирики. Они определяются иными темами — темами общих раздумий о мире и прежде всего о родине. Со-

вершенно разителен тон Ахматовой, когда она решается говорить о судьбе родной земли. Она говорит, как сибилла, как власть имеющая:

Чем хуже этот век предшествующих? Разве
 Тем, что в чаду печали и тревог
 Он к самой черной прикоснулся язве,
 Но исцелить ее не мог.

Еще на западе земное солнце светит,
 И кровли городов в его лучах блестят,
 А здесь уж белая дома крестами метит
 И кличет воронов, и вороны летят.

В этих темах муза Ахматовой явлена в трагическом аспекте. На ее путях был соблазн:

Когда в тоске самоубийства
 Народ гостей немецких ждал,
 И дух суровый византийства
 От русской Церкви отлетал,
 Мне голос был. Он звал утешно.
 Он говорил: «Иди сюда,
 Оставь свой край глухой и грешный
 Оставь Россию навсегда»...

Но и этот соблазн преодолела муза. Она отказалась от мнимой свободы и бежала прочь от искушений, «чтоб этой речью недостойной не осквернился скорбный дух»...

Ахматова сознает, что ужас испытаний и боль позора — как язвы Иова, что чем страшнее и мучительнее наши страдания, тем ближе мы к странному свету:

Все расхищено, предано, продано,
 Черной смерти мелькало крыло,
 Все голодной тоскою изглодано,
 Отчего же нам стало светло?

И невольно веришь Ахматовой, когда она пророчит:

И так близко подходит чудесное
 К развалившимся грязным домам,
 Никому, никому неизвестное,
 Но от века желанное нам.

Надежда переносится от субъективного и частного к объективному и общему. Лирическая душа жаждет благодатного воскресения и чуда.

И так близко подходит чудесное...

Формальные достижения соответствуют внутреннему духовному пути поэта. Среди поэтесс прошлых и современных у Ахматовой нет соперниц. Среди поэтов ей конгениальны старшие символисты. И в отношении мастерства она «ремесленница» того же брательства. Разнообразие внешних личин не мешает общему языку. На том же языке говорил покойный Блок. По счастью, она свободна от тех сетей, в которых запутался поэт. Язык у них был общий (язык символов, а не стиль, конечно), но *дыхание* у нее иное. Дивный, но несчастный Блок «задохнулся», ибо разучился дышать. Ахматова, кажется, не пренебрегает советами мудрецов Фиваиды, которые учили учеников благодатному дыханию.

